

Ты в моих помыслах таял: Под деревом зеленолистым, нагая, одним прикрытая листком античных статуй, как рыба белая стройна, ты, словно дерево ветвями, держишь в чудесных длинных узких пальцах плод яблони, как небольшое солнце, округлый золотой моток, как будто предлагаешь свить из него нить бытия.

Из приоткрытых губ но мне скользят твои усмешки золотая, как будто из раздвинувшихся туч протягивает теплый луч пробивающееся солнце, отогретая сердце мне, иррегулярной подобно Земле, и на его согретом лоне оживают, вырастая, забытые в благих заботах зерна. И неокоро из твоих губ скользят улыбка золотая, как ласточка из тихого гнезда, укрывшегося крышей. Она летит, колыша крыльями, на расправу с мошкаркой, распушивая мелких мыслей рой.

Так — словно Монна Лиза — ты над слабостями нашими смеешься, И в помыслах моих такая — ты.

Ты в моих помыслах такая: За сиюю тончайшей кисеей тумана, утром рано, перед собой я новую увидел Афродиту. Недвижна и белая, она недавно мраморной была, но вот богины сняли с пьедестала, и в комнате прозрачно-голубой она живую женщиной стала.

Ты в помыслах моих такая: Небесная голубизна — светлая, ясна. В прозрачности глубоких красок неизлечимой чистоты, с глянцами голубых мечтаний останавливаясь, ты, подивив дитя, чтобы оно могло взглянуть на уходящий к роше путь в лугащем тумане. А на лице твоём Покой и Благодать — две сплундны твои и каждой женщины, которая готова страдать и ждать, когда дитя — ей, первой ей, пронесет свое вот родившееся слово. Как не гордиться ей, одной из матерей, начальным зернышком огромной жизни, которому она дала родиться, как каждая на свете мать, что миру дарит детство, пренебрегая мукою своей. Так солнце дарит миру на рассвете свой первый луч, младенца нового земного дня. И тот, кто может взвесить на руке песчинку, незаметную в песне, способен ощутить весь вес планеты. Так и мать, свое дитя поднимая, всю землю держит. И только потому ее святой позволено назвать.

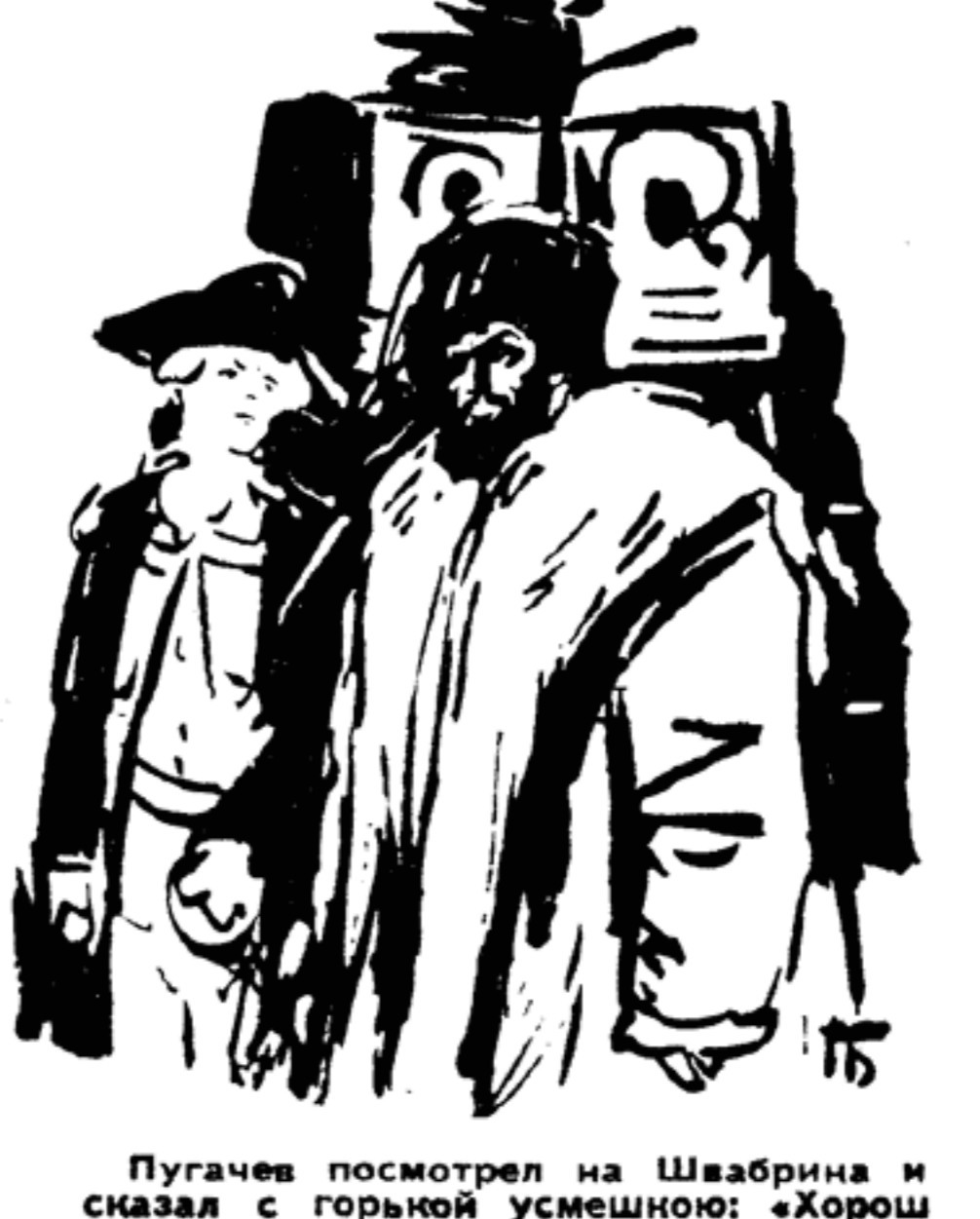
Так — на картине Ренуара ты, земной и неземною возникая, являешь нам прекрасного черты. И ты действительно такая, И наяву такая ж, как во сне. Одна и та же в разном. Что ни день — другая. Вся — красота, вся — разум. Высокая, далекая, земная, неземная, грешница, святая. И ты — только такая необходима мне.

Так в красках Рафаэля возникла, равно держа и землю и зерно, Ты в моих помыслах такая: Ты в моих помыслах такая:

Перевел Семен КИРСАНОВ

Была та смутная пора, Когда Россия молодая, В борежах силы напрягал, Мучала с гением Петра.

Пугачев посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкой: «Хорош у тебя лазарет!»

Первая в жизни иллюстрация была сделана к «Руслану и Людмиле». Тогда девятилетний Павлик Бунин учился в Центральном доме художественного воспитания детей... Сейчас у Павла Бунина уже около шестидесяти рисунков к стихотворениям А. С. Пушкина. В конце мая под Ленинградом, в Камероновой галерее города Пушкина отроется выставка произведений графика. Некоторые из них вы видите сегодня на страницах «Литературной газеты»...

И. СЕРГЕЕВА

На земле Шекспира и Бернса

К. А. Федин и А. Т. Твардовский рассказывают о своей поездке в Англию

Как уже сообщалось в «Литературной газете», недавно по приглашению Британского Совета (официальный орган правительств Великобритании, ведающий пропагандой и культурными связями с иностранными государствами) в Англию выезжали К. А. Федин и А. Т. Твардовский. По возвращении на Родину писатели рассказали о своей поездке на заседании секретариата правления Союза писателей СССР.

Побывавшие до нас в Англии советские писатели — Полевой, Маршак, Суриков, многое сделавшие для ознакомления английской общественности с достижениями нашей отечественной культуры, — сказал А. Т. Твардовский. — Они, так сказать, проложили стезю, содействуя быстрому нарастающему интересу к советской культуре, интересу, многочисленным свидетельствам которого то и дело обращали наше внимание.

позднее экспонировать фотопортреты разные макеты и копии, а доступ к оригиналам должен быть ограничен, — пояснил А. Т. Твардовский. — И хотя в печати появилось разъяснение спеликсиста-хранителя, что, мол, русские друзья преувеличивают опасность, все же наш сигнал был, кажется, услышан...

К. А. Федин заметил, что он и А. Т. Твардовский с удовольствием приняли приглашение Британского Совета, имея в виду необходимость дальнейшего расширения творческих связей между советскими и английскими писателями.

Несколько раз они беседовали с сэром Чарльзом Сноу, крупным современным прозаиком, и его супругой, писательницей Памелой Хонсфорд Джонсон. — Чарльз Сноу, маститый и весьма популярный в Англии романист, автор трилогии, посвященной жизни английских ученых и студенчества, произвел на нас впечатление приятного человека, лишенного предвзятости, — сказал К. А. Федин. — Чарльз Сноу пригласил к себе в гости, оказал нам радужный прием.

Неотлучным переводчиком советских писателей был англичанин, в прошлом летчик, участник мировой войны, ныне преподаватель русского языка и литературы Питер Норман, которого Твардовский и Федин дружески окрестили Петром Петровичем. В совершенстве зная русский язык, он на память читал стихи Пушкина и Лермонтова, причем не широко известные хрестоматийные стихи, а те, которые обычно знают люди, особенно горячо любящие русскую поэзию.

Еще одним свидетельством растущего в Англии интереса к русской, советской культуре является также и деятельность в Лондоне Пушкинского клуба (кстати, совершенно напрасно газета «Литература и жизнь» создание этого клуба приписывает «инициативе А. Сурикова»). В действительности он организован постоянно проживающими в Лондоне русскими людьми.

Британский Совет предоставил нам возможность познакомиться с достопримечательностями Лондона, посетить Кембридж и Оксфорд, Стратфорд-э-Эвоне и Эдинбург, побывать в музеях, театрах, посетить памятные места, связанные с именами Шекспира и Бернса, — сказал К. А. Федин. — И хотя мы с Александром Трифоновичем Твардовским приехали в пору студенческих каникул, когда студенты Оксфорда и Кембриджа отправляются за границу, а здесь можно увидеть лишь одиноких профессоров, по диагонали пересекающих клубы, что является привилегией лишь профессоров данного колледжа, — это обстоятельство все же не отразилось на большой и разнообразной программе, предложенной нашими гостеприимными хозяевами.

В Лондоне перед визитом к супругам Сноу советские писатели посетили «Тейт Галери» — великолепное собрание английской живописи и европейский мастеров, галерею, к сожалению, отдавшую изрядную дань мертвящему абстракционизму. Естественно, что и об этом зашла речь... Но леди Памела решительно предложила не касаться этого предмета... Хозяин дома придерживался иного взгляда:

Нарастание интереса к советской литературе и ее мастерам нашло свое отражение и в том, что здесь, в Лондоне, называемой «историей с Бернсом».

Некоторые члены Пушкинского клуба составляют эмигранты из России. Особенно активны «эмигранты второго поколения», а именно те, которые раньше могли ознакомиться с русской речью. Из этой среды, кстати, выходят неплохие переводчики, рецензенты.

Касаюсь этой первой части программы, А. Т. Твардовский сделал интересные дополнения.

Мне прежде всего хочется сказать о Стратфорде-на-Эвоне, где, как святыню, оберегает домик Шекспира. Этот домик с почернившими балками и тяжелыми плитами полов произвел на нас огромное впечатление.

Несколько раз мы слышали от англичан, знающих русский язык, о том, что, начав читать Бернса по-русски, они по-новому ощутили величие замечательного шотландского поэта, — сказал А. Т. Твардовский. — По мнению этих англичан, та широкая популярность, которой поэт Бернса пользуется в Советском Союзе, связана с блистательными переводами Маршана, обретшими огромный круг благодарных читателей, — эта популярность как бы вновь озарила славу поэта и на его родине, и в восприятии англичан.

В этом смысле показательной была встреча с известным английским писателем и издателем Стивенсом Спендером, с которым я познакомился еще в 1956 году на состоявшейся в Венеции встрече, организованной Европейским обществом культуры, — сказал К. А. Федин. — Уже тогда Спендер показался мне горячим полейстиком. Этот весьма популярный в Англии писатель сообщил нам, что не так давно он посетил Советский Союз, который произвел на него сильное впечатление. Во время нашей встречи в Лондоне мы обменялись мнениями по различным проблемам современной литературной практики.

Вспоминается сейчас и древний, словно взрезанный в скалы Эдинбург, и конечно, огромный Лондон, познакомивший нас с чудесной Национальной галереей, Королевской оперой, недавно выстроенным новым концертным залом «Фестивал-холл», в котором мы слушали концерт из произведений Моцарта, Баха и Стравинского.

Однако эта и некоторые иные частности не помешали собеседникам прийти к выводу о необходимости дальнейшего сближения художников Советского Союза и Англии, о все возрастающем в Англии интересе к русской, советской культуре.

Гости, разумеется, побывали на родине Бернса, в Шотландии, посетили знаменитый мемориальный домик поэта, вызвав неожиданный, как в шутку заметил А. Т. Твардовский, «переполох общественности»... Будучи в домике и музее Р. Бернса, советские гости заметили, что оригиналы стихотворений Бернса выставлены в витринах... подлинника. Это, естественно, подвергает их опасному воздействию солнца и неравномерного отопления. Таким же образом хранились в Стратфорде-на-Эвоне и прижизненные издания Шекспира.

Мы слышали нашим любезным хозяевам, что подобное хранение столь ценных реликвий вряд ли соответствует современной технике и что, видимо, этому не в малой мере помогли

Вадис РЕЙМЕРИС

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ Я падал у края дороги. И верил: как тихие сестры, травы в поле сойдутся, наклонятся у виска. Но стебли, такие тоненькие, звивались и, словно сосны, молча меня, усталого, оглядывали свысока. И не было, не было в поле niente меня былинки. А где моя дорога выше шла без меня в пыли... И не было на планете меньше меня пылинки, и глухо стучало сердце о жесткую грудь земли. Но все это длилось недолго. Мне стоило в пыль дорожку, с тихой травой поднимаясь, — поставив упрямый башмак, — чтоб звезды, такие гордые, снова сжимались в горошинки, рукой моей, в космос протанутой, стиснутые в кулак.

Янина ДЕГУТИТЕ

ЖИЗНЬ На свете ты живешь однажды, И жизнь тебе одна дана. Пей жизнь, не уподи каждый. Пей сладость с горечью — до дна. Пусть обернется жизнь огнем, Не побрякушкой убогой, Пусть обернется жизнь огнем И грудь сжимающей тревогой, Некулёною и желанной, Сверкающей голубизной, Тебе всего однажды данной, Невоторимой весной! Пусть капли не прольется даром, На свете только раз живешь, Пусть эта жизнь горит пожаром, Ее, как знамя, пронесешь. Однако ты живешь на свете, Живи в горенье и в борьбе, Пусть солнце входит на рассвете И в сердце, как в окно, к тебе. Да будет жизнь однажды данной Сверкающей голубизной, Некулёною и желанной, Невоторимой весной.

Южный ветер — веселый парень — Сбрился шапку с моей головы.

И надул ее, словно парус, и понес по земле Литвы. Где уронит он шапку эту? На какой меже полевой? Вот иду я за ней по белому свету с непокрытой головой.

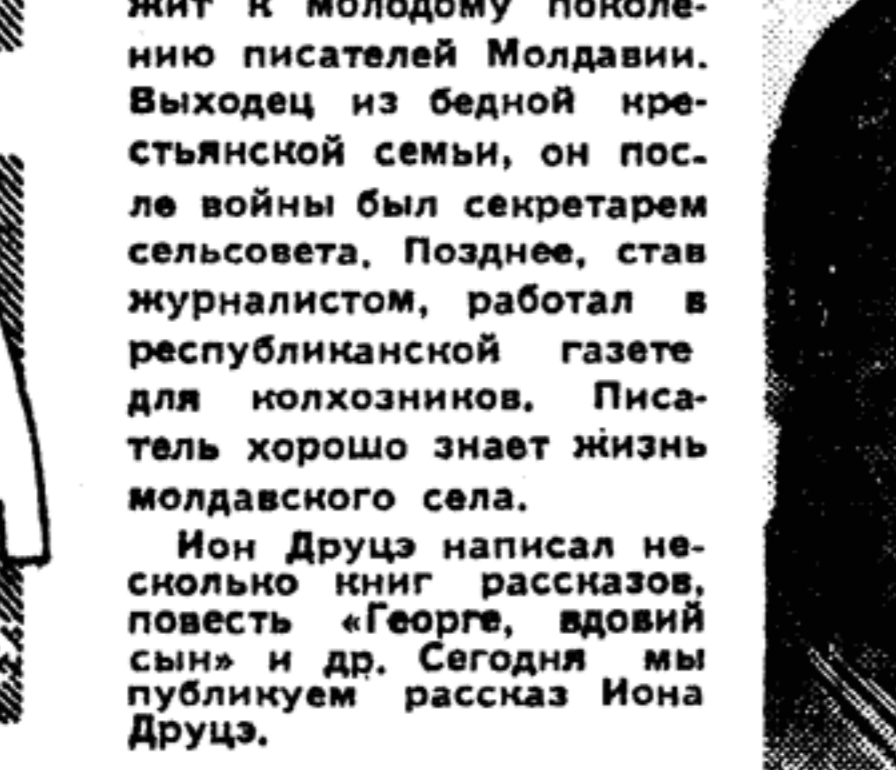
Антанас ВЕНЦЛОВА

Как сердцу легко от того, что весной Над Неманом снова, вздымается волной, Садов облака забелели. Что руки ветвей наклонятся опять, Колыхая плоды, будто нежная мать Качает дитя в колыбели.

Ион Друцэ

Собственно, что такое большое село? Пятсот дворов — хвяти? Ну, если пятсот дворов хватит, то Кумпона-Веке может считаться по-настоящему большим селом, так как насчитывается тысячу дворов с липками, а сколько там этого липку — один бог знает. Да что бог — над этим билось до седины уже четыре секретаря сельсовета, а теперь и у пятого проседь, хотя парень-то он еще молодой.

Ион Друцэ

Ион Друцэ принадлежит к молодому поколению писателей Молдавии. Вышедший из бедной крестьянской семьи, он после войны был секретарем сельсовета, позднее, став журналистом, работал в республиканской газете для колхозников. Писатель хорошо знает жизнь молдавского села.

Ион Друцэ написал несколько книг, в том числе повесть «Георге, вдовый сын» и др. Сегодня мы публикуем рассказ Иона Друцэ.

и случаи настоящего плагиата. Несколько старых падуринок, знающих толк в этом деле, хлопоту без конца, устанавливая первенство в этом деле. Правда, спорят только о втором месте и ниже — звание лучшей мастерицы по причитаниям уже лет десять сохраняется за собой Иляна Саудуцэ, невысокая дворушка с красивыми черными глазами. Это тем более странно, что сама Иляна голосила не более двух-трех раз в своей жизни. Последний раз она голосила года три тому назад, на похоронах своего мужа, умершего после тяжелой операции. Голосила она мало, пока несли гроб, но зато уж и голосила! Эти дни останутся в истории села как самые грустные после татарского нашествия...

Молодой председатель был в то время студентом и не слышал этого знаменитого причитания. Да он и его, верно, и не пережил бы, ведь даже в кратком пересказе это причитание вывалось у него жуткие спазмы.

Вслед за ними молча покатилась толпа. Сначала домик поправился седой падурике. Затем поправился ребятишкам. Старший даже нашел нужным начертить орышком карандаша по свежей краске «Падуруру» — за что седая падурица пожурила его. Младший же — то ли от волнения, то ли потому, что забыли о нем, — вдруг закапал сквозь штанишки на пол, за что старая падурица похвалила его.

Молодой председатель смотрел на нее умоляюще. Бедная Иляна... Крепко стиснула зубы, собрала свои мохнатые руки в два комочка кулака и стала ими свертить себя, а по смуглому лицу уже бежали ручейки слезы, стекали с подбородка на колени и расплывались двумя мокрыми пятнами по ее ситцевой юбке...

Однажды летом, в самую жаркую пору дня, неизвестно, каким образом, загорелся этот домик. Хозяин, ясно, не было. Горел единым духом — когда сосед сбежался, то наши только голые стены и теплую золу. Маш Никита, самый старый в селе Падуруру, подобрал горячий замок, каблукую зажал его в землю, чтоб поостыть, после чего вздохнул: — Вот будет голосить...

Молодой председатель пошел на нее умоляюще. Бедная Иляна... Крепко стиснула зубы, собрала свои мохнатые руки в два комочка кулака и стала ими свертить себя, а по смуглому лицу уже бежали ручейки слезы, стекали с подбородка на колени и расплывались двумя мокрыми пятнами по ее ситцевой юбке...

Иляна не голосила. Ни вторую ночь не голосила, ни третью. Хотя светились окна до самого белого дня и ходила Иляна грустная, задумчивая.

Однако, вероятно, происходят они от одного и того же Падуруру, так как все без исключения обладают одним удивительным дарованием: все они — народ очень голосистый. У всех такие звонкие и мелодичные голоса, что, если встретишь нескольких Падуруру на гулянье, — обязательно подождешь, пока они запоят. И уж тогда, может быть, впервые в жизни, наскутит тебе твое собственная фамилия, и ты подумаешь: а ведь могло же так случиться, чтоб и я родился Падуруру!

Ион Друцэ написал несколько книг, в том числе повесть «Георге, вдовый сын» и др. Сегодня мы публикуем рассказ Иона Друцэ.

Ион Друцэ принадлежит к молодому поколению писателей Молдавии. Вышедший из бедной крестьянской семьи, он после войны был секретарем сельсовета, позднее, став журналистом, работал в республиканской газете для колхозников. Писатель хорошо знает жизнь молдавского села.

Ион Друцэ написал несколько книг, в том числе повесть «Георге, вдовый сын» и др. Сегодня мы публикуем рассказ Иона Друцэ.

Ион Друцэ принадлежит к молодому поколению писателей Молдавии. Вышедший из бедной крестьянской семьи, он после войны был секретарем сельсовета, позднее, став журналистом, работал в республиканской газете для колхозников. Писатель хорошо знает жизнь молдавского села.

Ион Друцэ принадлежит к молодому поколению писателей Молдавии. Вышедший из бедной крестьянской семьи, он после войны был секретарем сельсовета, позднее, став журналистом, работал в республиканской газете для колхозников. Писатель хорошо знает жизнь молдавского села.

ВРЕМЯ ЗОВЕТ!

(Очередное. Начало на 1-й стр.)

В ЧЕЛОВЕКЕ, ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА...

— Мы, писатели, обязаны вскрыть душевные качества нового человека, отразить их в высокохудожественной форме, — говорит в выступлении Ф. Панферов, которому открылись прения по докладу «Писатель и время». (Это выступление публикуется в отдельном номере нашей газеты.)

— Что такое время в представлении литератора, время для писателя? — спрашивает А. Макаров. И отвечает: — Время — это прежде всего человек, типы людей. Литература передает дух, содержание времени, увековечивая людей.

Счастье советского писателя, что он свободен изображать в искусстве именно те типы, которые имеют решающее значение в современной жизни, за которыми будущее.

Знание жизни есть непременное условие работы писателя. Но одно только знание жизни еще не определяет достоинства произведения. О достоинствах мы судим по широте взглядов, по верности понимания и живости изображения тех явлений, которых писатель коснулся. Это прямо подводит нас к разговору об овладении техникой писательского ремесла. Я беру утверждение, что без многих литературных произведений, особенно принадлежащих перу молодых писателей, происходит не от неумения изображать.

Мне кажется, что, когда мы говорим о писателе и времени, мы должны избрать девизом своей работы пушкинские слова:

Служение муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво. Величав путь, пройденный советским народом. Величав его созидательный подвиг. Наши задачи — сделать это величавое прекрасным в искусстве.

ГЕРОИ В ЖИЗНИ ЖДУТ ГЕРОЕВ В ЛИТЕРАТУРЕ

— Повседневная трудовая жизнь вокруг нас наполнена героическим подвигами, — говорит Н. Устинович.

Но готовность и подвиг не рождаются в душе человека просто так, сама собой. Лишь постоянное воспитание может создать настоящий советский характер. И в этом деле неизмерима роль нашей литературы.

Читатель ждет героя, которому он стал бы подражать. К этим словам Н. Устиновича присоединился О. Кубарев, представитель бригады коммунистического труда с завода имени Владимира Ильича. Он говорил о своих друзьях, о том, как в бригадах коммунистического труда идет борьба за новых людей. Может быть, слово «борьба» покажется кому-то громким, но это именно так! — сказал О. Кубарев.

Нам нужны такие книги, в которых мы бы не только узнавали себя в сегодняшнем дне, но и видели, какими будем в завтрашнем дне. О том, что вы знаете такие книги, мы не сомневаемся. Но только нам очень хочется, чтобы они появились как можно скорее.

— Я вижу, — рассказывал Н. Шундик, — как Первого Мая рязанские строители несут макет своего завода, а как они строили этот завод — я не знаю. И я задаю себе вопрос: не пишем ли мы своего героя только тогда, когда он идет на парад? Ведь для писателя жизнь — это прежде всего его герой, а у нас порой любовь к герою идет лишь от головы. Важно же не только накопление фактов, важно и накопление чувств. И необходимо, чтобы люди, которые станут героями наших книг, любили нас взаимной любовью. Только тогда человек раскроет перед тобой душу.

БЕЗ ПОДПОРОК

Все основные проблемы литературного развития, которые затрагивались выступавшими, касались и национальных литератур.

А. Кешоков, в частности, говорил о том, что в настоящее время развитие национальных литератур отмечено в первую очередь бурным ростом поэмы. Молодые саженцы стали взрослыми деревьями и нет больше нужды в подпорках, потому что они успели глубоко пустить корни.

Национальным писателям, — отмечает А. Кешоков, — надо больше обращаться к темам современности, а не черпать материал только из далекого прошлого. Не конечно, дело не только в тематике. Иной писатель — автор исторического романа — сумеет охватить целую эпоху, и о нем хочется сказать: вот писатель, вот время! А есть произведения о современности, прочитаешь которые восклицаешь: это писатель — на время!

Ратуня за повышение требовательности к национальным литературам. А. Кешоков резко протестует против того, что некоторые центральные издательства нередко печатают книги по принципу представительства, не считаясь с их качеством.

Эту мысль А. Кешокова поддержал Г. Баширов, иронизировавший по поводу тех писателей, которые, оправдываясь, заявляют, что, дескать, пишут для перевода, а только для своего народа.

У нас нет особой меры для национальной и русской литературы. Где бы мы ни прожигали, в какой бы национальности ни принадлежали, мы все пишем для советского народа.

— На всероссийском пленуме, который происходит сейчас, — сказал А. Тимошев, — мне бы хотелось больше слышать о процессах, которые происходят

в литературе национальных республик и областей. Мы внимательно следим за тем, что происходит в Москве, но часто идем не в ногу, отстаем. А бывает, что кое-кто в чем идем впереди, потому что лицом к лицу стоим с тем бурным преобразованием, которые совершаются на наших окраинах. В свое время еще Оргкомитет Союза писателей РСФСР энергично взялся за изучение и обобщение литературных процессов в национальных областях и республиках. Сегодня хотелось бы шире видеть результаты этого изучения.

— На недавнем заседании редсовета журнала «Дружба народов», на котором я присутствовал, — сказал Э. Грин, — товарищи из Татарии и Якутии говорили, что писатели их республик могли бы дать материал на несколько номеров журнала. Это можно слышать на всех общесоюзных съездах и пленумах. Журнал «Дружба народов» — единственный на весь Союз. А ведь не давать национальным писателям выхода на всесоюзную арену — это все равно, что оставить распад в парнике, не выпуская ее оттуда под настоящее солнце, на открытый воздух.

Может быть, пришло время, чтобы хотя бы в Российской Федерации создать журнал наподобие «Дружбы народов», в котором бы печатались произведения писателей национальных республик?

ДОРОГУ ОЧЕРКУ!

— Говоря о произведениях очеркового жанра, что замечает Г. Радов, докладчик ограничился лишь перечнем фамилий. А между тем, оценивая работу этих лет, стоило бы внимательно взглянуть в очерк или, точнее, тула, где очерк смыкается с «соседами по жанру», потому что именно здесь происходит сейчас один из интереснейших процессов в литературе. Этот процесс уже отмечен выходом в свет, почти одновременно, таких разных, но чем-то очень близких друг другу, безусловно новаторских произведений, как «Дневные звезды» О. Берггольц, «Надья росы» В. Солоухина, «Деревянный дневник» Е. Дороша, «Свет от людей» П. Ребрин, повесть «Волшебный старт» А. Абрамского. Произведения эти родились на самой быстрой литературе и имеют прямое отношение к предмету сегодняшней дискуссии «Писатель и время». И это не удивительно, потому что очерк по самой природе своей стоит ближе всего к действительности.

Крупный художественный успех ряда книг, построенных на документальной основе, представляет большой теоретический интерес. Они вновь подтверждают, что документальность никак не может мешать художественности.

Однако в нашей критике до сих пор еще бытует противопоставление документальности и художественности. Чего стоят, например, странные рассуждения Г. Марджина в одном из последних номеров газеты «Литература и жизнь». В разговоре об очерке автор статьи употребляет слово «художественность» в значении, как в привычках, его путаю в художественном очерке пейзажи, портреты, лирические описания. Образность, композицию, детализацию портрета и пейзажа, текстур он называет «служебными вещами». Дальше, как говорится, идти некуда!

Г. Радов критикует также статьи Г. Марджина и М. Никулина в газете «Литература и жизнь» за их грубые, а местами и прямо оскорбительный тон по отношению к товарищам по литературному делу.

Неужели мы станем менее принципиальными, если откажемся от неслучайно грубого тона по адресу своих литературных оппонентов? — спрашивает оратор.

Миссия документального очерка, высказанные Г. Радовым, горячо поддержал О. Писаревский.

Лучшие документальные повести последнего времени, — отмечает он, — важны не только тем, что они сказали новое, свежее слово, но и тем, что в них присутствует высокая интеллектуальная атмосфера нашей жизни.

Оратор говорит о насущном требовании современности — отобразить в литературе подвиг отечественной науки, об острой нехватке «тонких» литературно-художественных журналов, которые являются важным рычагом для воспитания читателей, воспитания молодых литераторов, для развития публицистики, современного очерка.

БОЛЬШОЙ СЧЕТ, БОЛЬШИЕ ОРИЕНТИРЫ

— Главный вопрос, которым мы должны заниматься, — сказал в своем выступлении С. Антонов, — каким образом литература и искусство могут помочь в ускорении процесса воспитания коммунистического характера.

Неверно говорить, что задача искусства — только подтверждение действительности. Это утрачивает литературную роль артефакта.

Писать своей работой, всем, что есть в его уме и сердце, хочет, так сказать, сотворить читателя по образу и подобию своему. Это колоссальная ответственность, и тут невозможно всю роль литературы сводить к прямому копированию жизни.

Совершенно неправильно считать, что если автор что-то изобразил, то читатели или зрители будут поступать именно так, как изображено. В кино иной раз вырезают кадры, где изображена выписка или драка, — словно, увидев это, зрители станут пьяницами или хулиганами.

— Я очень рад, — продолжал С. Антонов, — тому, что написал Твардовский в последних главах «За далью-даль». Мы еще не поняли, насколько это важно, — ведь всех нас поэма должна заставить писать иначе.

Недавно, во время моей поездки по Северному Кавказу, меня прихватила болезнь и мне пришлось задержаться в санатории «Дачка», расположенном почти на макушке Машука, когда-то так прекрасно воспеваемого Лермонтовым. Ну, вы великолепно знаете, что когда попадаешь в места, где когда-то пребывали наши великие предшественники, то неудержимо хочется порадоваться той красоте, какой разовались они и которую они воспевали в своих бессмертных творениях.

Когда я перечитал Лермонтова, мне страшно, до боли в сердце, захотелось увидеть Кавказский хребет, но здесь изо дня в день висели густые, точно серая вата, туманы, закрывая не только далекий Кавказский хребет, но и Питигорек, расположенный у подножия Машука. И вот однажды в рань утра меня разбудила нянюшка:

— Федор Иванович, вставайте: красота какая!

И вышел на балкон и был буквально поражен величием Кавказского хребта: вправо развостенной вершинкой упирались в небо, как бы поддерживая его, гордый Эльбрус, слева далеко не менее горно высились Казбек. А около них, рядом с ними, скрепя их и словно подирая плечами, высились большие и малые горы. Все это величаво было залито сверкающим солнцем и звало к себе.

У меня невольно мелькнула мысль:

— Вот такой же величайший литературный Кавказский хребет заложили мы, ныне живущие советские писатели, и завершат его строительство наши потомки. Но ведь красота Кавказского хребта складывается не только из Эльбруса и Казбека. Попробую мысленно убрать от Казбека и Эльбруса все остальные горы и горки, и тогда увидим, как нарушится, уничтожится все величие Кавказского хребта. А сейчас я представляю себе, что Эльбрус — это Максим Горький, Казбек — Михаил Шолохов или Алексей Толстой, а рядом и вокруг, что и составляет вместе с Эльбрусом и Казбеком красоту литературного Кавказского хребта, — Фелицын, Эренбург, Серафимович, Флаевы, Паустовские, Леоновы, Катавы, Поголины, Корнейчук, Чукские, Пришвины, Маршак, Антокольские, Прокофьевы, Рыльские, Твардовские, Тычины, Бровки, Ауэзовы, Мухомовы и их поколения, лучше же за нами, — Арибузовы, Казакиевы, Кочетовы, Рашидовы, Полевые, Кожениковы, Грибачевы, Мальцевы, Марковы, Бубеновы, Перевцевы, Бабаевские, Луконины, Гончары, Закуртавы, Сальские, Шейнины, Софроновы и также поэты, как Сергей Васильев, Турсун-заде, Гулям и их сверстники Вера Панова, Галина Николаева, а за ними идут такие замечательные писатели и поэты молодого поколения, как Василий Федоров, Сергей Викулов, Евгений Ветущенко, сибиряк Кубышкин и многие, многие другие, вплоть до талантливого, но еще смотрящего на мир одним глазом, Казакова, не говоря уже о таких чудесных писателях, как Бондарев, Бахланов, Александр Андреев, Ленинградцев Николай Деметраев или Щегольских из Казахстана.

Вот почему я считаю (может, ошибаюсь), что вредно для роста советской литературы выдвигать, подчеркивать выдвигать только вершины, только Эльбрус и Казбек, а в адрес остальных отпущать грубые, презрительные словечки. По Эльбрусам и Казбекам надо двинуться, однако помнить, что новая литературная жила всегда разрабатывается широким потоком писателей, тем более закономерно советская литературная жила разрабатывается широчайшим потоком писателей.

Я говорю о писателях, а не о тех, кто в Союзу писателей прилепился, как прилепятся ракушки к днищу океанского корабля. Но всем писателям (независимо от зарплатности: у одного оно может быть больше, у другого меньше) мы обязаны относиться бережно, требовательно — к художественному мастерству. Эту требовательность мы должны предъявлять к каждому и подчас к «Казбекам». Помогать писателю в его творчестве теплым, разумным словом, а не облитвать его по пустякам на каждом перекрестке, как это недавно делал, казалось, такой умный критик, как Друзин.

В теплом, дружественном слове мы нуждаемся все, дорогие мои друзья, в том числе и мы — старшее поколение. Этому человеческому правилу мы обязаны следовать, не только выступая на трибуне, но и проводя в жизнь, особенно ныне, когда пленум писателей Российской Федерации довольно энергично поворачивается в сторону современности.

Я уверен, что пленум писателей Российской Федерации не для «птички» поставил на повестку дня такой животрепещущий вопрос, как современность и участие в ней советских писателей. Тема эта широкая, пожалуй, необъятная, как Великий океан. Наши народы строят необычайную в истории человечества жизнь. Строят не с той легкостью, как кажется ныне крамольникам от литературы. Нет. Коммунизм строился и стро-

ится, хотя порою с великими трудностями. Но строится. Строится с человеком, а не с ледяным человеком, а с человеком, который способен на подвиги, который способен на героические поступки, который способен на самопожертвование.

Вот почему я считаю (может, ошибаюсь), что вредно для роста советской литературы выдвигать, подчеркивать выдвигать только вершины, только Эльбрус и Казбек, а в адрес остальных отпущать грубые, презрительные словечки. По Эльбрусам и Казбекам надо двинуться, однако помнить, что новая литературная жила всегда разрабатывается широким потоком писателей, тем более закономерно советская литературная жила разрабатывается широчайшим потоком писателей.

Я говорю о писателях, а не о тех, кто в Союзу писателей прилепился, как прилепятся ракушки к днищу океанского корабля. Но всем писателям (независимо от зарплатности: у одного оно может быть больше, у другого меньше) мы обязаны относиться бережно, требовательно — к художественному мастерству. Эту требовательность мы должны предъявлять к каждому и подчас к «Казбекам». Помогать писателю в его творчестве теплым, разумным словом, а не облитвать его по пустякам на каждом перекрестке, как это недавно делал, казалось, такой умный критик, как Друзин.

В теплом, дружественном слове мы нуждаемся все, дорогие мои друзья, в том числе и мы — старшее поколение. Этому человеческому правилу мы обязаны следовать, не только выступая на трибуне, но и проводя в жизнь, особенно ныне, когда пленум писателей Российской Федерации довольно энергично поворачивается в сторону современности.

Я уверен, что пленум писателей Российской Федерации не для «птички» поставил на повестку дня такой животрепещущий вопрос, как современность и участие в ней советских писателей. Тема эта широкая, пожалуй, необъятная, как Великий океан. Наши народы строят необычайную в истории человечества жизнь. Строят не с той легкостью, как кажется ныне крамольникам от литературы. Нет. Коммунизм строился и стро-

ится, хотя порою с великими трудностями. Но строится. Строится с человеком, а не с ледяным человеком, а с человеком, который способен на подвиги, который способен на героические поступки, который способен на самопожертвование.

ВЕЛИКИЙ ОКЕАН СОВРЕМЕННОСТИ

Федор ПАНФЕРОВ

и, хотя порою с великими трудностями. Но строится. Строится с человеком, а не с ледяным человеком, а с человеком, который способен на подвиги, который способен на героические поступки, который способен на самопожертвование.

Нас, работников журнала «Октябрь», не раз спрашивали прыткие «критики», даже иные бывшие руководители Союза писателей:

— Что вы делаете. Печатаете романы Бубенова, Шолохова, Коновалова, а наряду с этим Паустовского, Казакова, Ветущенку. Это же не консолидация, а беспринципность, христианское всепрощение. Какова ваша программа?

Какова программа журнала «Октябрь», я уже сказал выше. А по вопросу о консолидации отвечу так:

— Помогайте всем писательским слоям работать вместе с партией, с народом, то есть строить коммунистическое общество, не превращайте писателей в полк солдат в одинаковых шинелях, а зовите их на творчество во имя вышейшей и граждущей жизни, и пусть каждый говорит своим голосом, лишь бы это было на пользу советскому народу и всем честным людям земного шара, — в этом истинный смысл дополнительной консолидации.

Желаю вам творческих успехов, дорогие мои товарищи.

Вот почему я считаю (может, ошибаюсь), что вредно для роста советской литературы выдвигать, подчеркивать выдвигать только вершины, только Эльбрус и Казбек, а в адрес остальных отпущать грубые, презрительные словечки. По Эльбрусам и Казбекам надо двинуться, однако помнить, что новая литературная жила всегда разрабатывается широким потоком писателей, тем более закономерно советская литературная жила разрабатывается широчайшим потоком писателей.

Я говорю о писателях, а не о тех, кто в Союзу писателей прилепился, как прилепятся ракушки к днищу океанского корабля. Но всем писателям (независимо от зарплатности: у одного оно может быть больше, у другого меньше) мы обязаны относиться бережно, требовательно — к художественному мастерству. Эту требовательность мы должны предъявлять к каждому и подчас к «Казбекам». Помогать писателю в его творчестве теплым, разумным словом, а не облитвать его по пустякам на каждом перекрестке, как это недавно делал, казалось, такой умный критик, как Друзин.

В теплом, дружественном слове мы нуждаемся все, дорогие мои друзья, в том числе и мы — старшее поколение. Этому человеческому правилу мы обязаны следовать, не только выступая на трибуне, но и проводя в жизнь, особенно ныне, когда пленум писателей Российской Федерации довольно энергично поворачивается в сторону современности.

Я уверен, что пленум писателей Российской Федерации не для «птички» поставил на повестку дня такой животрепещущий вопрос, как современность и участие в ней советских писателей. Тема эта широкая, пожалуй, необъятная, как Великий океан. Наши народы строят необычайную в истории человечества жизнь. Строят не с той легкостью, как кажется ныне крамольникам от литературы. Нет. Коммунизм строился и стро-

ится, хотя порою с великими трудностями. Но строится. Строится с человеком, а не с ледяным человеком, а с человеком, который способен на подвиги, который способен на героические поступки, который способен на самопожертвование.

Вот почему я считаю (может, ошибаюсь), что вредно для роста советской литературы выдвигать, подчеркивать выдвигать только вершины, только Эльбрус и Казбек, а в адрес остальных отпущать грубые, презрительные словечки. По Эльбрусам и Казбекам надо двинуться, однако помнить, что новая литературная жила всегда разрабатывается широким потоком писателей, тем более закономерно советская литературная жила разрабатывается широчайшим потоком писателей.

Я говорю о писателях, а не о тех, кто в Союзу писателей прилепился, как прилепятся ракушки к днищу океанского корабля. Но всем писателям (независимо от зарплатности: у одного оно может быть больше, у другого меньше) мы обязаны относиться бережно, требовательно — к художественному мастерству. Эту требовательность мы должны предъявлять к каждому и подчас к «Казбекам». Помогать писателю в его творчестве теплым, разумным словом, а не облитвать его по пустякам на каждом перекрестке, как это недавно делал, казалось, такой умный критик, как Друзин.

В теплом, дружественном слове мы нуждаемся все, дорогие мои друзья, в том числе и мы — старшее поколение. Этому человеческому правилу мы обязаны следовать, не только выступая на трибуне, но и проводя в жизнь, особенно ныне, когда пленум писателей Российской Федерации довольно энергично поворачивается в сторону современности.

Я уверен, что пленум писателей Российской Федерации не для «птички» поставил на повестку дня такой животрепещущий вопрос, как современность и участие в ней советских писателей. Тема эта широкая, пожалуй, необъятная, как Великий океан. Наши народы строят необычайную в истории человечества жизнь. Строят не с той легкостью, как кажется ныне крамольникам от литературы. Нет. Коммунизм строился и стро-

СПОР В КАННЕ

УЖЕ прошло более половины тех семидесяти часов, которые, как подсчитали журналисты, необходимы, чтобы просмотреть тридцать с лишним фильмов, представленных на XIII международный фестиваль в Канне.

Шумная фестивальная жизнь движется своим чередом. В залах Дворца кино идут официальные просмотры; делегация фестиваля устраивает приемы и банкеты. Репортеры скандальной хроникой подсчитывают количество разбитых на банкетах рюмок, а когда сенсационных эпизодов нет, — создают их сами.

Но за всей этой обычной фестивальной шумихой с каждым днем все отчетливее вырисовываются различные тенденции современного мирового кино.

Кризис мысли, кризис тем — вот что, как показывает Каннский фестиваль, характеризует сегодня реакционный буржуазный кинематограф.

Перед открытием фестиваля был показан вне конкурса американский боевик «Бен-Гур». Реклама упоенно называла огромные цифры: семь километров киноленты, сто тысяч статистов и пятнадцать миллионов долларов, истраченных на постановку этого «самого дорогого в истории кино» произведения.

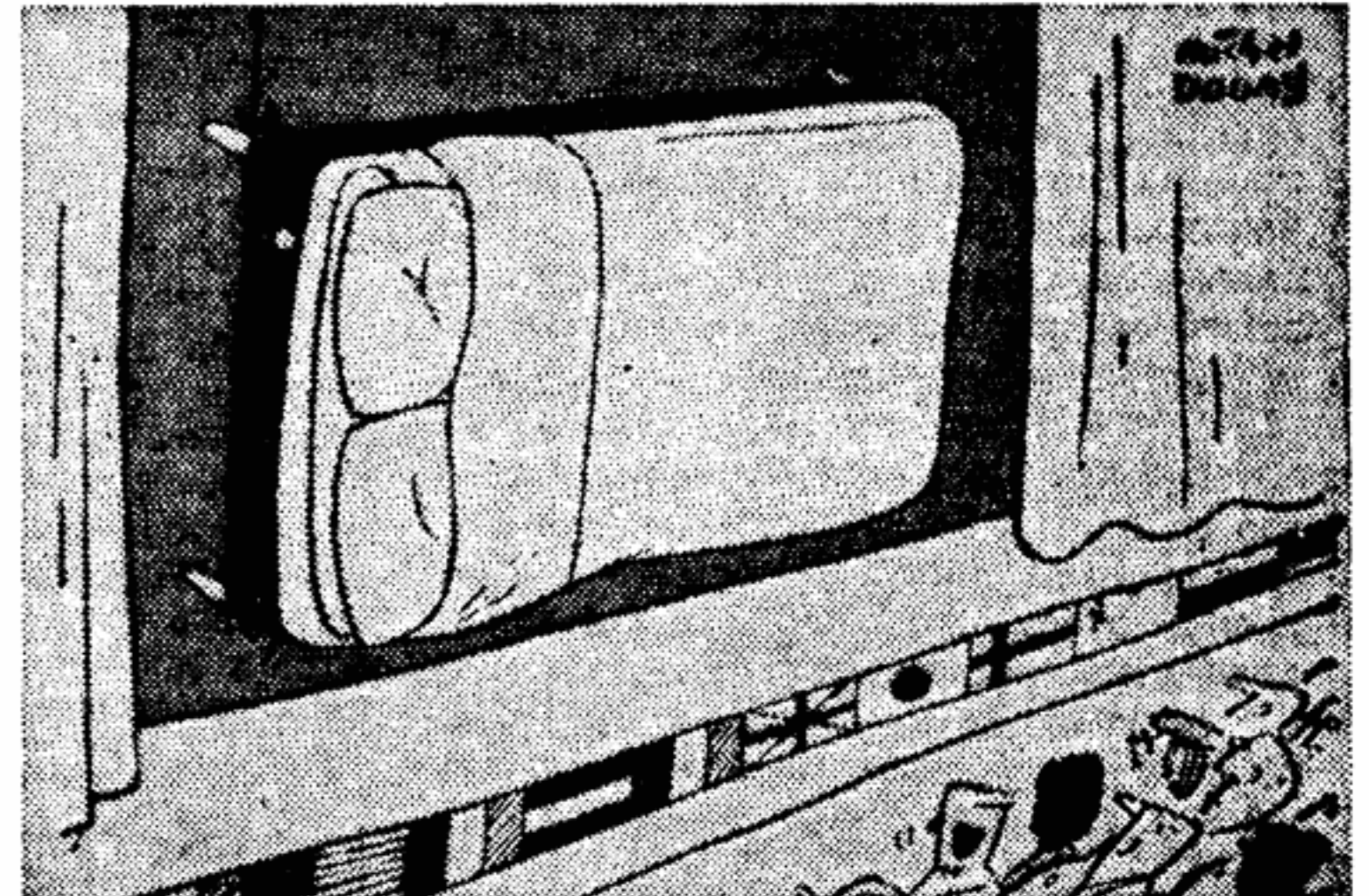
А результат? Весьма точно сформулировал общее впечатление от этого фильма критик буржуазной французской газеты «Монд» Жан де Баронселли: «Мы так далеки от того кино, которое любим и в которое верим... Это тревожит и возмущает Голливуд... который чувствует, что зритель отворачивается от него».

Бесполое, отчаянное стремление во что бы то ни стало удержать зрителя, которому надоела пышность дорогих постановочных зрелищ лишенных какой-либо серьезной мысли, ощущается и в многочисленных попытках эпатировать зрителя различного рода эротическими «специями». В этом смысле весьма показательна картина из французского буржуазного еженедельника «Карфу», в которой предлагается, для вышей досюверности, демонстрировать некоторые фильмы не на экране, а на подвешенной для этой цели душной постели. Действительные «постельные сюжеты» заняли в Канне весьма большое место. Прогнозы корреспондентов, писавших, что нынешний фестиваль будет «самым смелым в истории Канны», оказались пророческими. Весьма характерным для фильмов этого рода явилась японская картина «Странное наваждение», посвященная «животрепещущей теме» отношения дряхлого супруга со своей молодой женой. Как без сарказма заметил критик «Монд», «отчаяние супруга можно понять, но гораздо труднее понять, почему этот фильм показывали в Канне». Подобное непонимание вызывает, к сожалению, не только японский фильм, но и бельгийская картина «Если ветер пугает тебя...» и норвежский фильм «Охота».

Но примечательно, что по мнению многих корреспондентов, представляющих самые различные круги прессы, фильмы этого плана не вызвали даже ожидаемой скандальной сенсации, а лишь весьма равнодушную, а порой и брезгливую реакцию большинства зрителей. Точно так же провалились на фестивале гоминдановский фильм «Волшебная тень», охарактеризованный корреспондентом «Юманите» Самюелем Ланжюном как «посредственная выдумка, лишённая души», или откровенно обскурантистский аргентинский фильм «Простесия», направленный против «марксистов и вообще всех атеистов».

Не следует думать, конечно, что все фильмы капиталистических стран, представленные на фестивале, идут в русле этих реакционных течений. XIII фестиваль в Канне ясно показал, что прогрессивный кинематограф успешно отстаивает свои позиции и привлекает на свою сторону широкое общественное мнение. Больше всего места на фестивале заняли фильмы, посвященные борьбе с расизмом, с человеконенавистничеством. Это и мексиканская картина режиссера Луиса Бонюэля «Молодая девушка», явившаяся как пишет критик «Либерасон», обвинением против расовой дискриминации, лицемерия буржуазной морали. Это и датский фильм «Пав — мальчик между двумя мирами». Это и антивоенный фильм «Морамбон», снятый французским режиссером Жан-Клод Боннардо в Южной Корее и запрещенный французской цензурой.

Критические реалистические тенденции единодушно отмечают прогрессивная печать в короткометражном французском фильме «Дети сквотзяка», в

Карикатура из французского еженедельника «Карфу».

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу вас передать мою сердечную благодарность всем партийным, общественным организациям, литературным деятелям, друзьям из зарубежных стран, приславшим мне поздравления в связи с присуждением высокой награды — Ленинской премии.

Мирза ТУРСУН-ЗАДЕ

Разрешите через нашу «Литературную газету» выразить глубокую благодарность всем товарищам, друзьям, читателям, литературным и общественным организациям, поздравившим меня в пятидесятителетием.

Ратуня КОЧАР

В зале заседаний пленума. Фото В. Шагова

Пленум правления Союза писателей Казахстана

Недавно в Алма-Ате состоялся пленум правления Союза писателей Казахстана, посвященный вопросам развития национальной советской драматургии.

Участники пленума заслушали доклад секретаря правления Союза писателей республики А. Танибаева и секретаря кинодраматургии, с которым выступил директор студии «Казахфильм» К. Сирапов. В обсуждении приняли участие Д. Еркин, Б. Бондарев, З. Шагинин, С. Адамбаев, А. Абишев, М. Каратаев, первый секретарь правления Союза писателей Казахстана Г. Мусрепов, критик Е. Сагандыков, заместитель министра культуры Казахстана Л. Галимжанова, председатель республиканского комитета по радиофикации и телевидению К. Сагандыков, писатели алма-атинских театров К. Димандарбеков и А. Лакшин, молодые литераторы К. Куандыков и Б. Тоганбаев.

О работе недавно открытой казахской телестудии говорил главный редактор студии И. Омбергенов. Проблемы развития русской драматургии в Казахстане было посвящено выступление И.А.Новикова. И.Бактин в своем выступлении охарактеризовал работу республиканского унгрского театра и творчество унгрских писателей.

На пленуме выступил секретарь правления Союза писателей СССР А. Салынский.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Н. Димандильдин. АЛМА-АТА. (Наш мурр.)

НАДЕЖДЫ И ОЖИДАНИЯ

ПЕРЕД СОВЕЩАНИЕМ В ПАРИЖЕ
АНГЛИЙСКИЙ народ отлично понимает, что могущественные силы на Западе создают различные препятствия с целью помешать достижению соглашения на совещании глав правительств четырех держав, которое в ближайшие дни откроется в Париже.

Но в то же время и многомиллионные массы, требующие разоружения и мирного существования, более чем когда-либо раньше сознают свою мощь. Недавний поход английских сторонников ядерного разоружения из Олдермэтона в Лондон, который завершился гигантским митингом на Трафальгарской площади, показал, какими эффективными действиями может подкреплять свои требования народ, сплотившийся в борьбе за мир. Промедляя в стране кампания за отмену делегаций в Париж в дни совещания на высшем уровне находит широкую поддержку во всех слоях общества. Рабочие члены профсоюзов и лейбористской партии требуют от их лидеров пренебрежения существующей им политикой — политики поддержки блоков, созданных для ведения «холодной войны» и гонки ядерных вооружений.

Таким образом, г-н Макмиллан и его советники придут на совещание, отчетливо сознавая, что наш народ жаждет, чтобы Англия проявила инициативу и добилась хотя бы ограниченных соглашений.

Ни у кого в Англии не встречаются поддержки действия американцев, которые стремятся воспрепятствовать заключению соглашения о прекращении испытаний ядерного оружия. И если совещание в верхах не устранил трудностей, которые мешают урегулированию вопроса об испытаниях, то это вызовет горечь и гнев.

Очень изменилась позиция англичан и в вопросе о разоружении. Народ больше не довольствуется теми доводами, которыми западные державы пытаются оправдать отсутствие всяких сдвигов в обсуждении этой проблемы. В Англии широко освещались поездки г-на Хрущева в США, Францию, страны Юго-Восточной Азии. Благодаря телевидению десятки миллионов людей смогли ближе познакомиться с ним и пришли к выводу, что Хрущев действительно хочет мира и всеобщего и полного разоружения. Теперь противники советских предложений становятся все труднее и труднее оправдывать свою позицию. Отметим также, что такой авторитетный человек, как лауреат Нобелевской премии мира Филип Ноль-Бейкер, недвусмысленно заявил, что если дело разоружения не движется с мертвой точки, то повинны в этом прежде всего западные страны, а не социалистические государства.

Что касается германского вопроса, то на общественное мнение очень повлияли обнаруженные в начале нынешнего года факты, которые свидетельствуют о господствующем положении бывших нацистов в ФРГ. Сейчас большинство английского народа, без сомнения, согласно с тем, что вооружение Западной Германии было серьезной ошибкой. Планы создания в Англии западногерманских военных баз вызвали необычайно резкий протест.

К сожалению, далеко не все у нас в Англии сознают, какое большое значение имеет для ситуации в Европе политика мира, дружбы и сотрудничества, проводимая Германской Демократической Республикой. Не всем ясно и положение в Берлине. Крайне необо-

Гордон ШАФФЕР,
английский публицист

димо разъяснять широким кругам данный вопрос, но этому, в частности, препятствует молчаливый створ между правыми лидерами западногерманских социал-демократов и английской лейбористской партии — они стремятся помешать установлению контактов между массовыми рабочими организациями Англии и ГДР. Как бы то ни было, преграды постепенно рушатся, и г-ну Макмиллану трудно будет капитализировать перед Аденауэром, который всячески пытается сорвать совещание в верхах.

Другое требование, которое все настойчивее и громче выдвигает английская общественность, заключается в том, чтобы устранить всевозможные барьеры в торговле с социалистическими странами. Особенно энергично этого требуют представители деловых кругов. Они видят в расширении торговли с социалистическим миром единственный ответ на угрозу со стороны поддерживаемого Соединенными Штатами «общего рынка», где господствует Западная Германия. Общественность, несомненно, доведет до сознания г-на Макмиллана тот факт, что ослабление международной напряженности — необходимое условие для расширения торговли.

Такое настроение английского народа в канун совещания глав правительств. Всякая искренняя попытка стать на путь разоружения и сотрудничества, несомненно, найдет в Англии широкую поддержку. Однако, разумеется, успешный исход совещания нельзя считать обеспеченным или хотя бы вполне вероятным. Можно сказать лишь одно: общественность с прежней настойчивостью будет добиваться проведения ряда подобных совещаний, пока, наконец, соглашение не будет достигнуто!

Характерно, что бывшие поборники «холодной войны» не решаются сейчас открыто проронять неудачный исход совещания, хотя и ссылаются на берлинский вопрос, как на возможную причину возникновения тупика.

Приведу высказывания трех членов парламента — лейбористов, ибо их слова отражают мнение прогрессивной общественности Англии.

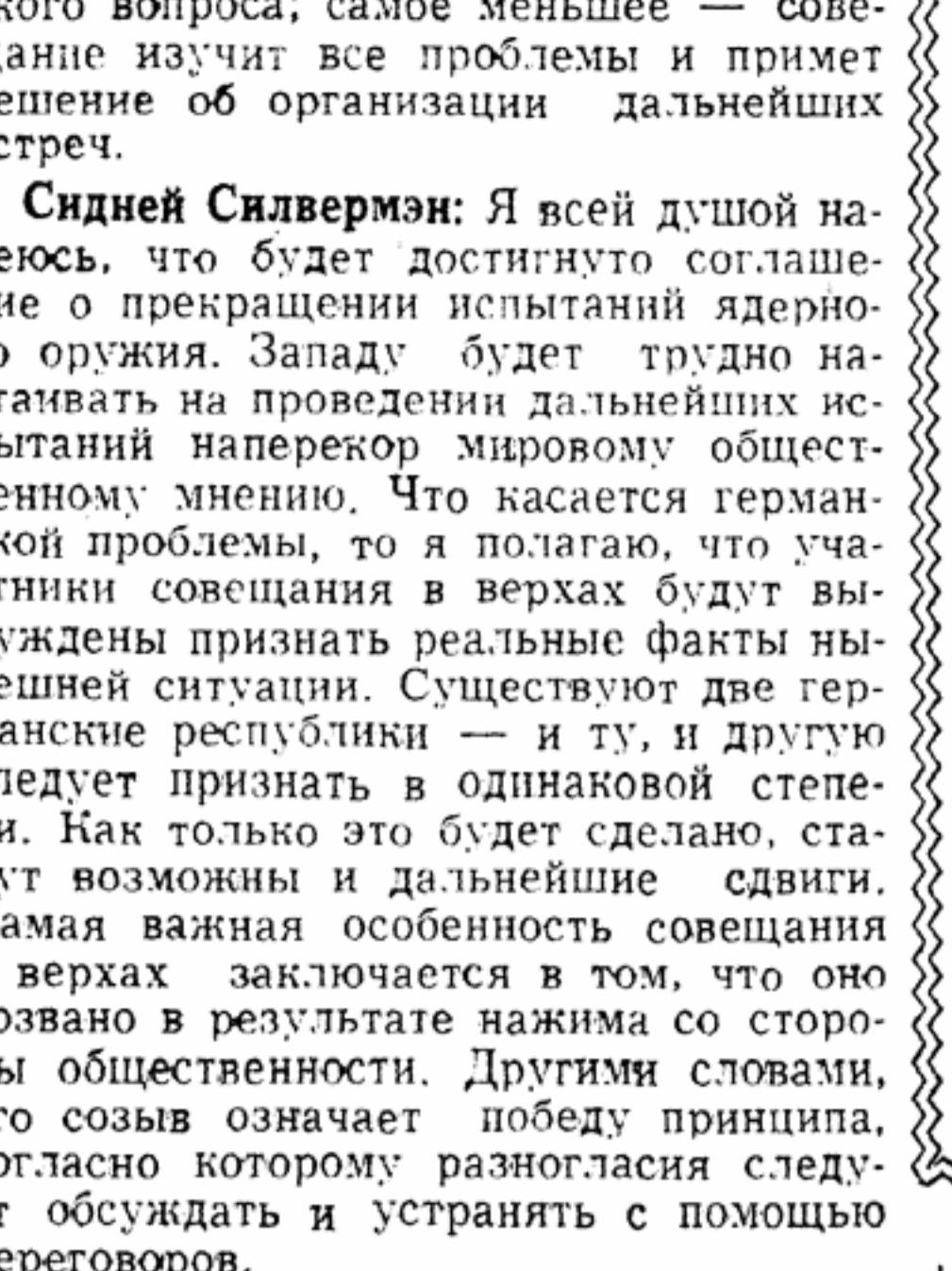
Коники Зиллакис: Я возлагаю на совещание лишь умеренные надежды. Соединенные Штаты не будут принимать важных решений по международным вопросам до тех пор, пока не вступит в должность новый президент, то есть до будущего года. Всякая внешнеполитическая проблема в настоящий момент трактуется в Соединенных Штатах с точки зрения предстоящих президентских выборов. Западным державам предстоит разрешить следующую дилемму: с одной стороны, их политика ядерных вооружений потеряла крах, Советский Союз обогнал их в отношении военной мощи, а разоружение поставит перед ними политические и экономические трудности, которых они опасаются; с другой стороны, они боятся ввязаться на себя ответственность перед своими народами, отказавшись поддержать меры, направленные на укрепление всеобщего мира. Таким образом, с моей точки зрения, самое большее, на что можно надеяться, — это соглашение о прекращении ядерных испытаний и временное урегулирование берлин-

ского вопроса; самое меньшее — совещание изучит все проблемы и примет решение об организации дальнейших встреч.

Сидней Силверман: Я всей душой надеюсь, что будет достигнуто соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия. Западу будет трудно настаивать на проведении дальнейших испытаний наперекор мировому общественному мнению. Что касается германской проблемы, то я полагаю, что участники совещания в верхах будут вынуждены признать реальные факты нынешней ситуации. Существуют две германские республики — и ту, и другую следует признать в одинаковой степени. Как только это будет сделано, станут возможны и дальнейшие сдвиги. Самая важная особенность совещания в верхах заключается в том, что оно создано в результате нажима со стороны общественности. Другими словами, его созыв означает победу принципа, согласно которому разногласия следуют обсуждать и устранять с помощью переговоров.

Гарольд Дэвис: Не следует вызывать у людей чрезмерные надежды, так как реакционеры постараются использовать всякий промах нынешнего совещания, чтобы воспрепятствовать созыву подобных совещаний в будущем. Поэтому я прежде всего надеюсь на соглашение относительно регулярного созыва совещаний на высшем уровне, которые будут обсуждать спорные вопросы взаимоотношений между капиталистическими и социалистическими странами. Иными словами, я надеюсь, что будет выработана некая формула сотрудничества. На мой взгляд, лучше сто лет совещаний, нежели сто секунд ядерной войны. Мне хотелось бы, чтобы совещание проявило реалистический подход к германской проблеме. А первым шагом в этом направлении должно быть признание Германской Демократической Республикой и ее участие в переговорах, которые будут проведены в результате совещания в верхах. Г-н Макмиллан должен решительно выступать против оснащения Западной Германии ядерным оружием, ибо такой курс чрезвычайно затруднит для достижения соглашения. Главы государств должны также оценить реальную обстановку на Дальнем Востоке: в конце концов им придется дать согласие на то, чтобы народный Китай с его 600-миллионным населением занял полагающееся ему по праву место на совещаниях великих держав.

лондон, май

— Алло, алло! «У-2» вызывает базу. Подтверждаю эффективность советских ракетных снарядов. Конец передачи.

Рисунок художника Каповы из итальянской газеты «Унита».

Рисунок художника Х. Биштрупа из датской газеты «Ланд оф Фольк».

Метеорологические изыскания в Пентагоне: ожидается густая облачность и образование туманов над Вашингтоном, подавленное настроение и нарастающая головная боль в высших слоях.

Над Советским Союзом погода ясная и совершенно неблагоприятная для ведения «холодной войны».

ЭТИКА КАПИТАЛИЗМА

РАЗОБЛАЧЕНИЕ советским премьером Н. С. Хрущевым опасных и наглых провокаций американских милитаристов повергло правящую клику Америки в крайнее смущение. Несколько дней воротилы США крутились, как петухи, которые отрубил головы, выступили с противоречивыми заявлениями, тщетно пытались найти какою-нибудь оправдание тому, что оправдать невозможно. Так, например, официальный представитель компании «Локхид аэрфактс корпорейшн» заявил, что советский снимок обломков американского самолета не более как фальшивка и, судя по фотографии, разбившаяся машина не была самолетом «Локхид У-2». И это несмотря на то, что государственный департамент абсолютно все признал.

Карл МАРЗАНИ,
американский писатель

После речи государственного секретаря Герта позиция, занятая Соединенными Штатами, выглядит следующим образом: вина лежит на Советях, так как они слишком бдительны; они не раскрывают нам своих тайн, поэтому мы вправе поступать как нам заблагорассудится; да и вообще все государства занимаются шпионажем, и единственный наш промах в том, что нас поймали.

Это обычная этика капитализма: неважно, как приобретать деньги, важно их приобрести и не потерять. Но я с радостью констатирую, что не

все газеты и, конечно, не все американцы соглашаются с этой линией поведения. «Пост-диспетч», издающаяся в Сент-Луисе, пишет в редакционной статье: «Легко утверждать, что каждая страна занимается шпионажем и что единственный риск — быть пойманным с поличным. Но воздушная фото съемка объектов для бомбардировок — это нечто, отличающееся от обычного шпионажа. Именно такого рода действием мы глубоко возмущены, если оно применяется в отношении нас. Такого рода действие подходит для военного времени или для ситуации «на грани войны», но в любое другое оно является весьма провокационным».

Профессор института ядерной физики Лео Силард опубликовал в «Нью-Йорк геральд трибюн» негодующее письмо-протест в связи с инцидентом с американским самолетом-разведчиком. Силард, один из создателей атомной бомбы, неизменно выступал в защиту «холодной войны». Сейчас умирает от рака в больнице, он написал это письмо, в котором заявляет, что военные соображения Вашингтона часто берут

верх над соображениями политическими, и резко нападает на правительство США за его изощренную ложь. «Я поверил этой небылице», — пишет он, — и возмущен тем, что мое правительство обмануло меня».

Известный обозреватель Уолтер Липман, газеты «Нью-Йорк пост», «Нью-Йорк таймс» и некоторые другие издания указывают на опасность того, что какой-нибудь сумасшедший из вынужден может начать действовать по собственной инициативе. Впервые высказываются тревожные помыслы о том, что при существующем положении нетельный случай может развязать войну. Быть может, именно в этом важнейшем значении происшедшего инцидента. По-видимому, это понимает и «Нью-Йорк таймс», которая пишет: «Напряженность существующая вдоль важнейших государственных границ, таит в себе невыразимую опасность».

Инцидент со сбившим американским самолетом-разведчиком вызвал в сознании американцев величайшее потрясение. Больше того, он может оказать поворотной вехой. Спротивление США идее разоружения в значительной мере определялось тем, что поджигатели новой войны были в состоянии, прибегая к широкоиспользуемой лжи в пропаганде, вводить американский народ в заблуждение. Американцы желают мира, желают его так же глубоко и горячо, как и всякий другой народ. Но они менее осведомлены, чем, скажем, французы, англичане, итальянцы, индусы, не говоря уже о народах социалистических стран. Некоторым американцам уже давно было известно, что подобные акты провокационной разведки осуществляются один за другим. В июне 1952 года один из редакторов журнала «Лук» писал: «Американцы сбили случайно, а то и намеренно, прощупывали радиолокационную систему русских». Недолго спустя Джозеф Олсон, офицер запаса военно-воздушной разведки, указывал: «Наши самолеты дальнего действия совершали разведывательные полеты вдоль тайфурского побережья». Далее он признавал, что американский самолет военного флота, сбивый над Балтикой, «также выполнял разведывательное задание».

ГЕРТЕРОВО ПРИЗНАНИЕ

Случилось нечто неслыханное. «Отцы изувати, прославившиеся умелой организацией шпионажа, не менее искусно отрицали какую бы то ни было причастность к их шпионажу, схваченным с поличным. Наполеон, высоко оценивший важность шпионажа («военное время»), тем не менее глубоко презирал и эту «работу», и занимающихся ею людей. Не найти, пожалуй, преступления, которое вызывало бы такое отвращение, как шпионаж. И какой государственный деятель рискует признаться в причастности к шпионажу, если он дорожит своим положением?»

Ныне такой государственный деятель нашлся. Им оказался Кристиан Арчибальд Гертер, государственный секретарь Соединенных Штатов Америки. После неудачных и быстро проваливавшихся попыток вывернуться из неприятной истории, в которую он влетел вместе с самолетом «Локхид У-2», г-н Гертер заявил следующее: да, правительство США (а значит — ведомство Гертера в первую очередь) проводило, проводит и будет проводить шпионаж против Советского Союза.

Вот это неслыханное в истории международных отношений признание: «В соответствии с законом 1947 года о национальной безопасности президент с начала деятельности своего правительства ввел в действие директивы собирать всеми возможными средствами информацию, требующую для защиты Соединенных Штатов и свободного мира от внешнего нападения, и обеспечить им возможность производить эффективные приготовления для своей обороны». На основе этих директив были разработаны и проведены в жизнь программы, которые включали широкое наблюдение с воздуха с помощью невооруженных гражданских самолетов, обычно периферийного характера, но иногда и путем проникновения». Эти слова — не наивная оплошность случайно проболтавшего простачка-дипломата. Это циничная похвальба дипломатического зурба, твердо усвоившего поведки и мораль капиталистического мира. Гертера не смущает, что ответственность всего мира может обвинить его в соучастии в преступлении, которое, скажем, по английским законам карается

смертной казнью или каторжными работами, а по французским — просто смертной казнью, без отговорок. Он предельно циничен, он предельно откровенен: да, мы шпионили и будем шпионить!

Чем объяснить эту необычную похвалябу, от которой способна покраснеть даже бумага, на которой она напечатана? Прежде всего крайним смятением в правящих кругах США после того, как первоначальная версия о «метеорологической» функции самолета-разведчика с неслыханным позором провалилась. Вероятно, к этому присовокупился так отчаянная решимость игрока, которая овладевает картелем после крупного проигрыша, когда он в дураской надежде на счастье бесшабашно бросает на стол собственные грязные кальсоны. А стол может, государственный секретарь США просто решил озаненовать пребывание на посту неслыханным в истории шагом, чтобы снести славу пресловутого Гертерста!

В самом деле, после Джона Фостера Даллеса, фактически единолично и по своему управлявшего внешними делами не только Америки, но всего пресловутого «свободного мира», Гертер выглядел довольно бледной фигурой. Американский президент не хотел, чтобы произошло нечто, что не хватало бы произзодить эффект. Теперь такой эффект, без сомнения, произведен. Слова «гертерово признание» могут быть, станут таким же крылатым выражением, как «герстратова слава». А может быть, и не стану. Ибо, принеся сомнительную славу г-ну Гертеру, они не принесли славы США.

Большинство иностранных комментаторов и обозревателей (например, комментатор японского радио Миками) считают, что «авторитет Соединенных Штатов на международной арене резко упал». Американская газета «Патриот-юнайс» выражает ту же мысль, но более образно: «Парахот, который опустил молодого Фрэнсиса Пауэрса на землю, улетел за собой виз и престиж президента Эйзенхауэра».

Плохи дела у государственного департамента, если напуганные реакцией мирового общественного мнения правительства Турции, Пакистана, Японии, Нор-

вегии, прежде с безоговорочной покорностью представлявшие территорию своей страны в качестве базы для бандитских полетов американской авиации, ныне, по словам английской газеты «Дейли мейк», «дали понять Вашингтону, что дело проиграно и прекращается».

Наглость Гертера вызвала необычайное возмущение в самих Соединенных Штатах. Член палаты представителей Б. Джонсон заявил: «Я опечален, что имеются официальные лица, которые в час, предшествующий международному совещанию глав правительств, пытаются оправдать и простить провокационные акты, угрожающие жизни сотен миллионов людей во всем мире». Конгрессмен Ч. Винк потребовал привлечения к ответственности тех, кто повинен в этой «грубой ошибке». Редактор журнала «Сатердей ревью» Норман Казинс осуждает шпионский полет.

Пытаясь найти доказательства «мудрости» своего шефа, сотрудники государственного департамента начали сейчас рыться в юридической литературе. Они обнаружили, например, что в учебнике международного права сказано, будто посланцы шпионы «не считаются морально, политически и юридически неправильными». Но, к их конфузу, оказалось, что дальше того же учебник говорит: «Шпион не может юридически оправдать свои действия, утверждая, что он лишь выполнял приказы своего правительства, и последнее никогда не вменяется, поскольку оно не может официально признаться в том, что заслало шпиона». То, что известно студентам, г-н Гертер не изучал...

Советские люди хотели бы недвусмысленно предупредить американских руководителей: будьте искренни! Не держите камня за пазухой, не подглядывайте в дверные щели, иначе рискуете не быть еще ширше на лбу. Мы ничего не скрываем от тех, кто приезжает в нашу страну и говорит: я хотел бы посмотреть, как вы тут живете. Но тот, кто тайком, как тать, крадет через наши границы, рискует очень многим. Да к тому же едва ли он увидит с воздуха землю, чем с земли. Разве только земля ему с овчичку покажется...

Б. КРЫМОВ

В книге «Мы можем быть друзьями», изданной около десяти лет назад, я разобрал и резко осудил действия подобного рода. Однако большая часть американцев не знала о них. Пресса, радио, телевидение ничего об этом не сообщали. События последних дней открыли глаза множеству американцев. Теперь они уже не будут относиться с такой доверчивостью к правительству. Больше того, люди начали понимать, что существуют силы, которые не желают мирного существования. В редакционной статье «Нью-Йорк пост» так и говорится: «В Вашингтоне есть люди, которые приветствуют инцидент с самолетом», поскольку он торпедует совещание в верхах.

Меры, принятые Советским Союзом, в отрыве от остального дела мира. Изолированно поджигатели войны в Соединенных Штатах, они оказывают значительное влияние на предстоящие президентские выборы. Мне хотелось бы подчеркнуть, что эти действия изолировали бывшего президента Трумэна. Одно из инициаторов «холодной войны».

В заключение я, как американец, хотел бы поздравить Советский Союз в связи с проявленной им бдительностью. Натые милитаристы США столь же опасны для нас, американцев, как и для вас, советских людей. Военщина не представляет американский народ, который так же жаждет мира, как и все народы на земном шаре.

НЬЮ-ЙОРК, 13 мая. (По телеграфу).

ПИСЬМА ИЗ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СЕМИМИЛЬНЫМИ ШАГАМИ...

А. БЕЛЬСКАЯ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ПЯТНАДЦАТЬ лет — небольшой исторический срок, и в особенности для такой страны, как Германия. Тем более поразительно, насколько замечательно то, что сделано за это время народом Германской Демократической Республики. Слово «восстановление» не хочется произносить, даже когда говоришь о возрожденных и жизни заводах и фабриках, о вновь отстроенных домах на месте разрушенных войной. Это не восстановление, а рождение нового: прошлое навеки похоронено в руинах гитлеровской имперской канцелярии, погребено в развалинах рейхстага, вывезено на свалку истории. И когда смотришь теперь на памятник работы Вучетича в парке Трентов — советский воин держит на руках ребенка, — он кажется по-новому символическим. Советские люди отстояли с оружием в руках не только будущее детей, они помогли родиться новому, демократической Германии — первой германскому государству рабочих и крестьян. И эта подлинная Германия, словно скалоное дитя, семимильными шагами движется по пути социализма.

Бурное биение пульса жизни — радость, творческое созидание — эта особая атмосфера ощущается каждым приехавшим в Германскую Демократическую Республику. Конечно, еще сохранились следы, оставленные на теле страны войной, развалины гитлеровцев. Зияют пустые глазницы окон во многих домах на улицах Берлина, Лейпцига и Дрездена. Но в том, что до сих пор не убраны обломки штея на Бильгельмштрассе, где помещалась гитлеровская имперская канцелярия, не застроены площадки разрушенных зданий фашистских министерств, есть своя логика и справедливость. За рядом с фабриками и заводами в Берлине и других городах республики выстроены кварталы новых домов для рабочих. Светлые, удобные, легкие строения ничем не напоминают монументальную, тяжеловесную архитектуру фашистского рейха.

В первую очередь реставрировано то, что имеет художественную и историческую ценность. Поднимается возрожденное руками строителей прекрасное барокко дрезденского дворца Цвингер. Открыта знаменитая картинная галерея в Дрездене, и там, куда прежде был открыт доступ только образованным и хорошо одетым людям, перед бесмертными полотнами Мурильо, Дюрера, Рафаэля и Рубенса, спасенными Советской Армией, я видела саксонских крестьянок, рабочих, студентов и студенток. И тут, в Дрездене, и в до-

мак-музеех Гёте в Веймаре, прислушиваясь к оживленной беседе во всегда переполненных залах, радовалась тонкому пониманию искусства, знанию истории тех, для кого все открыто в новой Германии. Пятнадцать лет — небольшой срок. Можно ли забыть, как в этой стране в мрачные годы фашистского господства Геббельс вопил, что, когда он слышит слово «культура», его рука невольно тянется к спусковому крючку револьвера? Ведь содеянное фашистскими варварами с германским народом, с культурой страны Гёте, Гейне и Шиллера было куда страшнее, чем в развалины, оставленных в наследство войны.

Огромны успехи Германской Демократической Республики во всех областях народнохозяйственной жизни. Десятки тысяч социалистических бригад возникли на фабриках и заводах, успешно перевыполняется семилетний план развития народного хозяйства. Почти полностью и за короткий срок объединилась для совместной обработки земли крестьянская хозяйства. Трудно охватить перечислить увиденное в этой стране. И, несомненно, прав молодой рабочий берлинского завода «Электротек» Юрген Кунц, сказавший мне: «Они там, на Западе, говорят об «экономическом чуде», которое будто бы свершилось в Федеративной республике. Хорошо «чудо», которое куплено на доллары и финансируется нью-йоркскими банками. Нет, подлинное чудо произошло здесь, у нас, к востоку от Эльбы».

Мне хочется рассказать о том, что особенно запало в сердце за короткое время пребывания в ГДР. Культура для народа — это не просто лозунг, не пустые слова, а замечательное завоевание социалистического строительства. В этом можно было убедиться, приехав в последние дни апреля на конференции по вопросам культуры в Берлине. В большом зале Дворца культуры завода «Электротек» собрались в те дни видные писатели, художники, актеры и рядом с ними рабочие, крестьяне, служащие, активно участвующие в создании социалистической немецкой литературы, живописи, театрального искусства. На трибуну конгресса поднимались, чтобы подвести итоги года и поделиться планами на будущее, и первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, и Альфред Курелла, председатель Комитета по вопросам культуры при Политбюро СЕПГ, маститые писатели, поэты, актеры и творческая молодежь. Выступила крестьянка Эрна Зандер из сельскохозяйственного производствен-

ного кооператива Поппендорф, рабочий горнорудного комбината Висмут. Поделовому, уверенно, по-хозяйски говорили они о задачах литературы, предъявляли свои требования писателям, рассказывали о работе самодельных театральных коллективов, пользующихся большой популярностью, о соревнованиях молодых талантов, о новых книгах, задуманных ими самими. А на столах участников конгресса лежали новые книги: среди них — только что вышедшая в свет антология «Рабочий пишет», где собраны отличные стихи и рассказы людей, продолжающих работать в станках и трудиться на социалистических полях. Движение «Пишущий рабочий», выросшее из движения «Игнатиус рабочий», стало неотъемлемым элементом литературной жизни республики. Директор института литературы в Лейпциге поэт Макс Циммеринг с гордостью рассказывает о том, какое талантливое пополнение приходит в институт с производства.

Новая литература, искусство Германской Демократической Республики, как и весь труд народа, служат делу мира. С горячностью и болью говорили выступавшие на конгрессе культуры о возрождении милитаризма на западе страны, о пропаганде войны, об адеуэровской политике растления молодежи. Их тревогу разделяют прогрессивные интеллигенты Западной Германии, чьи представители участвовали в работе конференции. Искусственная граница между ФРГ и ГДР не смогла расколдовать духовную жизнь народа. В Западной Германии раскол

происходит внутри самой страны: на одном полюсе — силы, стремящиеся к миру, на другом — кулка милитаристов.

Борьба за мир, стремление предотвратить войну, преградить путь темным силам, которые совсем рядом с искусственной границей маршируют, вооружаются, сеют тревогу и смуту в Европе, — основа основ политики ГДР. Во имя этого трудятся у станков миллионы людей, трудятся, ни на минуту не забывая, что тут же рядом, в буквальном смысле слова «на соседней улице», куется оружие и замысливается новое преступление против человечества.

Я видела борцов передовой линии борьбы за мир на берлинской площади Маркса-Энгельса в день первого маяского праздника. Мимо трибун шли нескончаемый потоком дети, девушки и юноши, зрелые люди, улыбающиеся сединой старики, которые начинали путь борьбы вместе с Эрнстом Тельманом, прошедшие тяжкие годы подполья. На многих из проходивших юнцутурмовым защитного цвета — форма боевые дружин, созданных после того, как западногерманские реакционеры попытались спровоцировать фашистский путч в июне 1953 года. Трудящиеся Германской Демократической Республики полны решимости отстоять свои завоевания от любых посягательств. Каждый лозунг на красных знаменах, каждое слово зовет к миру. «Решить германскую проблему в интересах мира!», «Способствовать заключению мирного договора с Герма-

нией!», «Помешать агрессивным замыслам Аденауэра!», «Сделать Западный Берлин вольным городом!» — призывали плакаты, которые несли рабочие Лихтенберга, Келенина, Панкова и других районов Берлина.

На сессии Верховного Совета СССР Никита Сергеевич говорил о странах, которые, оторвавшись от капиталистического тяготения, вышли на социалистическую орбиту. Особенно наглядно ощущаешь меткость и образность этих слов здесь, в Берлине, городе, где сосредоточены два мира, две различные системы, две различные политики. Именно Западный Берлин, превращенный в рекламную витрину капиталистического «образа жизни», используется бюнсовой пропагандой, чтобы попытаться силой «тяготения» заставить немецкий народ свернуть с социалистической орбиты. Нет такой линии, так изощренных методов обмана, к которым не прибегали во имя этой цели Аденауэр и его клика.

В дни перед совещанием в верхах, будет принято решение о заключении мирного договора с Германией и тем самым нормализовано положение в Западном Берлине, бюннская пропаган-

да особенно неистовствует. В кричащих заголовках на страницах западногерманских газет, по радио, телевидению утверждают, будто бы Советский Союз хочет силой навязать Западно-Берлину новый социальный строй, присоединить его к Германской Демократической Республике. Бюнские министры бесстыдно искажают суть советских предложений по берлинскому вопросу. Социалистическая Единая Партия Германии предлагает созвать 14 апреля митинг в Берлине, где с разъяснением по берлинскому вопросу выступили бы и член политбюро ЦК СЕПГ Генрих Рау, и бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт. Но Аденауэр грубо запретил такую встречу. Кто-то делает темные дела, всегда боится гласности!

Капиталистическое «тяготение» бесстыдно, Берлин — столица Германской Демократической Республики — сплоскены и уверены. Но нормализованное положение в Западном Берлине необходимо. В таком виде, в каком он существует сейчас, — это очаг агрессии и милитаризма, аноза в теле Германской Демократической Республики. Об этом говорит факты...

БЕРЛИН, май